

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Поярков С.Ю. Трансформация институтов гражданского общества и прямой демократии в процессе конституционной адаптации // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76333 EDN: JYYEBR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76333

Трансформация институтов гражданского общества и прямой демократии в процессе конституционной адаптации

Поярков Сергей Юрьевич

кандидат педагогических наук

Ученый секретарь; ФГУП "Всероссийский научно-исследовательский институт физико-технических и радиотехнических измерений"

140570, Россия, Московская область, пгт. Менделеево, промзона ВНИИФТРИ, 11

✉ psu70@bk.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2025.11.76333

EDN:

JYYEBR

Дата направления статьи в редакцию:

18-10-2025

Аннотация: Современные конституционные системы сталкиваются с беспрецедентными вызовами – пандемиями, климатическими катастрофами, цифровой трансформацией и эрозией доверия к институтам, – что ставит под сомнение способность классической модели конституционализма обеспечивать устойчивость и легитимность. Традиционный подход, основанный на стабильности, иерархии и ограничении власти, оказывается недостаточным в условиях динамичной, неопределённой и мультиакторной реальности XXI века. В этих условиях возрастает запрос на более гибкие, отзывчивые и инклюзивные формы конституционного регулирования, способные оперативно адаптироваться к социальным изменениям. Особую значимость приобретают институты прямой демократии и гражданского общества, которые всё чаще выступают не как внешние коррективы, а как внутренние элементы конституционного порядка. Глобальный опыт – от Эстонии и Исландии до стран Латинской Америки – демонстрирует, что вовлечение граждан в конституционные процессы повышает не только легитимность, но

и устойчивость правопорядка. Предметом исследования выступает теоретическая модель адаптивного конституционализма, в которой гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как структурообразующие компоненты конституционной системы, а не как её периферийные элементы. В работе применяется комплексный методологический подход, включающий системный анализ конституционного порядка как открытой и динамичной системы, сравнительно-правовой метод и институциональный подход. Научная новизна исследования заключается в предложении интегративной модели адаптивного конституционализма, в которой конституция понимается не как статичный текст, а как процесс непрерывного диалога между государством, судами и гражданским обществом. Автор показывает, что адаптивность достигается не только через формальные процедуры поправок, но и через неформализованные, но юридически значимые формы участия – гражданские ассамблеи, цифровые платформы, общественные инициативы. Исследование обосновывает необходимость институционализации этих механизмов, включая введение обязанности органов власти реагировать на инициативы граждан и создание института общественного омбудсмана по конституционным вопросам. Делается вывод о том, что будущее конституционализма связано с переходом от модели «конституции для народа» к модели «конституции с народом», где легитимность обеспечивается не только процедурой, но и глубиной вовлечения. Подчёркивается, что без системного участия граждан любые конституционные реформы рискуют остаться формальными и неэффективными.

Ключевые слова:

адаптивный конституционализм, гражданское общество, прямая демократия, конституционная адаптация, цифровое участие, народная инициатива, конституционный диалог, живая конституция, институционализация, конституционная легитимность

Введение

Современный этап развития конституционных систем во многих государствах характеризуется не столько укреплением устоявшихся институтов, сколько поиском новых форм реагирования на беспрецедентные вызовы, которые ставят под сомнение саму способность традиционного конституционного порядка обеспечивать устойчивость, справедливость и легитимность. В условиях, когда пандемии, климатические катастрофы, гибридные угрозы, ускоренная цифровизация и глубокая трансформация общественных коммуникаций становятся не исключительными событиями, а повседневной реальностью, конституционное право сталкивается с фундаментальным вопросом: способна ли его классическая модель, построенная на идее стабильности, предсказуемости и жесткой сегрегации ветвей власти, отвечать на вызовы, требующие оперативности, гибкости и включения множества новых субъектов в процесс принятия решений? Этот вопрос приобретает особую остроту на фоне наблюдаемой во многих государствах, включая как демократические, так и смешанные режимы, эрозии доверия к государственным институтам, роста политической апатии и одновременно — парадоксального — усиления гражданской активности вне рамок традиционного представительства.

Современные кризисы, будь то пандемия COVID-19, которая выявила не только слабости системы здравоохранения, но и серьезные пробелы в механизмах правовой защиты индивидуальных свобод в условиях чрезвычайных мер, или экологические катастрофы, требующие долгосрочных и системных ответов, выходящих за рамки обычного законодательного цикла, демонстрируют, что конституционные системы не могут больше

функционировать по принципу «реагирования по факту». Они должны обладать способностью к предвосхищению, к адаптации, к постоянному диалогу с обществом. Именно в этом контексте наблюдается возрождение интереса к институтам прямой демократии и к расширению роли гражданского общества не как внешнего наблюдателя за властью, но как полноценного участника конституционного процесса. Примеры последних лет — от исландской попытки написать конституцию через краудсорсинг до цифровых платформ в Эстонии, позволяющих гражданам участвовать в законотворчестве, от массовых экологических инициатив в Европе до роста числа региональных референдумов в Латинской Америке — указывают на то, что запрос на более непосредственное участие в управлении делами государства становится не просто политическим трендом, а системным требованием к конституционному порядку.

Однако, несмотря на очевидную актуальность этих процессов, теоретическая база, объясняющая взаимодействие между динамикой конституционных систем и активизацией гражданского участия, остаётся недостаточно разработанной. Классический либеральный конституционализм, основанный на принципах верховенства права, разделения властей и защиты прав человека как ограничителей государственной власти, остаётся доминирующей парадигмой в академической среде. Однако, как показывают Т. Ginsburg и А. Z. Huq, эта модель, будучи эффективной в условиях политической стабильности, может оказаться недостаточной в условиях системных кризисов и угроз демократии изнутри — например, при подъёме популизма или эрозии демократических норм. В таких условиях одних лишь институтов сдержек и противовесов недостаточно; необходимы также устойчивые социальные и политические условия, поддерживающие легитимность демократического порядка ^[1]. Статичность классического конституционализма, его упор на формальные процедуры и жёсткие иерархические структуры, в условиях XXI века всё чаще воспринимается не как гарантия стабильности, а как барьер для адаптации к новым вызовам — таким как цифровая трансформация, экологический кризис или глобальные неравенства. В этой связи в конституционной теории усиливается акцент на концепции «живой конституции» (living constitution), способной «дышать» — то есть эволюционировать через интерпретацию, общественный диалог и гибкие механизмы изменения. Как отмечают такие исследователи, как L. H. Tribe ^[2] и В. Ackerman ^[3], конституция не может быть замороженным текстом XIX или даже середины XX века; чтобы оставаться легитимной и эффективной, она должна отражать меняющиеся ценности и потребности общества.

Проблема заключается в том, что до сих пор в большинстве правовых доктрин, включая российскую, гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как дополнительные, периферийные элементы конституционного строя, а не как его структурообразующие компоненты. Даже в тех государствах, где закреплены нормы о референдумах или общественных инициативах, эти институты зачастую остаются декоративными, подверженными политической конъюнктуре и бюрократическим барьерам. В этой связи возникает необходимость в переосмыслении самой природы конституционного порядка. Если классический конституционализм видел в конституции прежде всего ограничитель власти, то современный вызов требует видеть в ней инструмент организации взаимодействия, способный включать в себя не только государственные, но и негосударственные субъекты. Именно здесь всё большее значение приобретает представление о конституции не как о неизменном тексте, а как о динамической и адаптивной системе, способной эволюционировать через постоянный диалог между институтами власти, судебной властью и гражданским обществом. Эту перспективу развивают ведущие исследователи современного конституционализма. R. Dixon вводит понятие responsive constitutionalism — «чувствительного» или

«отзывчивого» конституционализма, подчёркивая необходимость учёта социальных изменений и угроз демократии уже на этапе закрепления институтов [4]. А. Z. Huq, совместно с Т. Ginsburg [1], показывает, что классические механизмы сдержек и противовесов оказываются недостаточными в условиях «автократизации снизу», и призывает к более гибким, рефлексивным формам конституционализма, способным противостоять системным кризисам. W. E Scheuerman [5], анализирует, как ускорение темпов социальных и технологических изменений ставит под вопрос стабильность традиционных конституционных моделей, и аргументирует в пользу адаптивного конституционализма — конституционализма, способного к быстрой адаптации без ущерба для правовых гарантий. Наконец, М. Kumm [6] развивает идею диалогического конституционализма, в рамках которого легитимность правоприменения обеспечивается не иерархией, а открытым обменом между судами, парламентами и гражданами — особенно в условиях транснационального правопорядка и морального плюрализма.

В отличие от западной конституционной теории, где активно обсуждаются идеи адаптивного, диалогического и «живого» конституционализма, в российской правовой науке такие подходы практически не представлены. Основной фокус отечественных исследований после конституционной реформы 2020 года [7] сосредоточен на толковании новых норм [8], укреплении государственного суверенитета и конституционной идентичности [9] и стабильности институтов [10, 11]. При этом вопросы участия гражданского общества в конституционной эволюции, механизмы «конституционной отзывчивости» или институционализация общественного диалога в рамках конституционного процесса в российской доктрине не разработаны. Именно этот теоретический разрыв — между глобальным дискурсом о гибком конституционализме и доминированием статичной, государственно-центрированной модели в России — составляет одну из ключевых особенностей современного российского конституционного права.

В этой связи целью настоящей статьи является не просто констатация наличия кризиса традиционной модели, а попытка построить теоретическую модель, в которой гражданское общество и институты прямой демократии рассматриваются не как внешние факторы, влияющие на конституционный порядок, а как внутренние, конституционно значимые институты адаптации. Это предполагает переход от пассивного понимания конституции как документа, защищающего от власти, к активному пониманию её как процесса, в котором власть и общество совместно участвуют в выработке решений, имеющих конституционное значение. При этом речь идёт не о замене представительной демократии прямой, а о создании гибридной модели, в которой разные формы участия дополняют друг друга, обеспечивая как стабильность, так и гибкость.

Для достижения этой цели используется комплекс методологических подходов. Системный анализ позволяет рассматривать конституционный порядок как целостную, но открытую систему, взаимодействующую с внешней средой. Сравнительно-правовой метод задействован для изучения опыта стран, где институты прямой демократии и гражданского участия наиболее развиты: Швейцария, с её многовековой традицией народных голосований и инициатив, Эстония, ставшая пионером цифрового участия, Исландия, предпринявшая уникальную попытку конституционной реформы через вовлечение граждан, а также страны Латинской Америки, такие как Боливия и Эквадор, где конституции последних десятилетий активно включают нормы о праве народов на самоопределение и участие. Институциональный подход помогает выявить, как именно формируются и функционируют механизмы взаимодействия между государством и

гражданским обществом, какие барьеры им мешают. Правовая герменевтика используется для интерпретации конституционных норм в духе их адаптивного потенциала — например, как толковать положения о народовласти (ст. 3 Конституции РФ) не только как декларацию, но как основание для расширения форм прямого участия.

Научная новизна исследования состоит в предложении интегративной модели адаптивного конституционализма, в которой гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как неотъемлемые элементы конституционной системы, а не как её внешние коррективы. Такой подход позволяет преодолеть дихотомию между «государством» и «обществом», характерную для классической теории, и перейти к пониманию конституции как института диалога. В отличие от традиционных моделей, где адаптация конституции осуществляется преимущественно через официальные процедуры (поправки, толкование судами), предлагаемая модель включает в механизм адаптации непрерывные, неформализованные, но юридически значимые формы взаимодействия, такие как общественные инициативы, цифровые консультации, гражданские ассамблеи, которые могут предшествовать или сопровождать официальные конституционные изменения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов для совершенствования конституционных механизмов в условиях нестабильности. В условиях, когда традиционные институты представительной демократии сталкиваются с кризисом доверия, а граждане всё чаще выражают недовольство «закрытым» характером принятия решений, важно разработать правовые инструменты, обеспечивающие подлинное вовлечение. Это может включать введение обязательных процедур учета результатов общественных инициатив, создание независимых институтов гражданского мониторинга конституционных изменений, развитие цифровых платформ для участия в законотворчестве, а также включение в конституцию норм, прямо закрепляющих право на участие в конституционных процессах. Такие меры способны не только повысить легитимность решений, но и укрепить устойчивость конституционного строя в целом, сделав его более отзывчивым к социальным изменениям.

Таким образом, в условиях, когда конституционные системы сталкиваются с вызовами, требующими не просто технических корректировок, но и глубокого переосмысления своих основ, становится очевидной необходимость в переходе к новой парадигме — парадигме адаптивного конституционализма, в которой гибкость, диалог и вовлечение становятся не побочными эффектами, а центральными принципами конституционного порядка. И именно в этом контексте роль гражданского общества и прямой демократии приобретает не просто тактическое, но стратегическое значение.

Концептуальные основы адаптивного конституционализма: от статичности к динамике

Исторически конституционный порядок возник как ответ на произвол власти, как попытка закрепить границы государственного вмешательства в частную сферу и гарантировать устойчивость правовой системы через фиксацию основных принципов в высшем законе государства. Эта идея, укоренённая в традиции либерального конституционализма, предполагала, что конституция должна быть не просто законом, а надёжным щитом — документом, обладающим особой стабильностью, защищённым от политических колебаний и ежедневных конъюнктурных изменений. В этом смысле классический конституционализм, сформировавшийся в XVIII–XIX веках и достигший своего расцвета в первой половине XX века, был по своей природе статичным и защитным: его главной

задачей было ограничение государственной власти, а не её активное вовлечение в решение сложных социальных задач. Такой подход, по мнению В. Ackerman, нашедшего отражение в его фундаментальном труде «We the People», базировался на идее «высшего закона», который должен оставаться неприкосновенным в повседневной политике, чтобы не подвергаться риску превращения в инструмент временной власти [\[3\]](#). Однако именно эта черта — стремление к вечности и неподвижности — сегодня становится одной из главных причин кризиса доверия к конституционным системам. Когда общество меняется быстрее, чем конституция, когда новые вызовы — от цифровой слежки до экологической катастрофы — не находят в тексте основного закона ни правовых ответов, ни даже пространства для их поиска, возникает ощущение, что конституция больше не «о нас», а о тех, кто жил раньше.

В основе классического конституционализма лежит представление о конституции как о раз и навсегда данном акте, зафиксированном в определённый исторический момент и сохраняющем свою силу благодаря жёстким процедурам внесения изменений. В этом контексте такие механизмы, как многоступенчатые процедуры поправок, требующие квалифицированного большинства в парламенте или одобрения на референдуме, воспринимались как гарантия стабильности. Однако на практике эти же механизмы нередко превращаются в барьеры для адекватной реакции на изменения. Например, в США поправки к Конституции требуют одобрения двумя третями обеих палат Конгресса и ратификации тремя четвертями штатов — процедура, настолько затруднительная, что за более чем 200 лет было принято лишь 27 поправок, и последние существенные изменения датируются 1970-ми годами. Это означает, что конституционная система, построенная на аграрной экономике и слабом государственном аппарате, продолжает регулировать цифровую экономику, искусственный интеллект и массовую миграцию с помощью толкований, которые, сколь бы изощрёнными они ни были, всё же остаются интерпретационными натяжками. При этом особое значение приобретает идея о том, что конституции, созданные для одного мира, не могут эффективно функционировать в другом, если не будут обладать внутренним механизмом обновления. Именно отсутствие такого механизма и порождает инерцию — неспособность системы адаптироваться к новым реалиям, что, в свою очередь, ведёт к росту социального напряжения и к вопросам о легитимности самой конституции.

Ещё более острой эта проблема становится в условиях, когда доминирующей формой демократии остаётся представительная модель, в которой граждане участвуют в политической жизни лишь эпизодически — на выборах, а между ними власть действует с широкой автономией. Хотя представительство изначально задумывалось как рациональный компромисс между прямыми формами участия и масштабами современного государства, сегодня оно всё чаще воспринимается как замкнутая система, оторванная от повседневных забот граждан. Политические элиты, действующие в рамках партийной конкуренции и лоббистских интересов, зачастую принимают решения, которые не отражают подлинных запросов общества, особенно в вопросах, требующих долгосрочного мышления — таких как экология, цифровизация или демография. В этом контексте кризис легитимности конституционных систем становится не случайным сбоем, а системным следствием их структурной негибкости. D. Runciman справедливо указывает на то, что реальная опасность заключается не в том, что демократия будет свергнута, а в том, что она исчезнет из-за безразличия, поскольку люди потеряют веру в ее способность решать их проблемы [\[12\]](#).

В ответ на эти вызовы в правовой науке и практике постепенно формируется понимание необходимости перехода к новым моделям конституционализма, которые отказываются от

идеи статичности в пользу динамической, отзывчивой конституции. Этот процесс можно охарактеризовать как эволюцию от защитного конституционализма к активному, от монолитного — к плюралистическому. Если классическая модель была сосредоточена на защите индивида от государства, то современные вызовы требуют от конституции не только защиты, но и обеспечения условий для реализации прав — то есть перехода от пассивной к активной функции. Это означает, что государство уже не может ограничиваться лишь воздержанием от вмешательства, но обязано предпринимать меры по созданию условий, в которых права могут быть реализованы в полной мере. Например, право на охрану здоровья, провозглашённое в ст. 41 Конституции РФ, не может быть реализовано без системных мер по финансированию здравоохранения, борьбе с эпидемиями или обеспечению доступа к медицинским технологиям. Аналогичным образом, право на благоприятную окружающую среду (ст. 42) требует не просто запретов, но и комплексной экологической политики, что невозможно без активного участия государства и общества.

В этом контексте появляются новые концептуальные конструкции, призванные описать меняющуюся природу конституционного порядка. Одной из них является идея «живой конституции» (living constitution), активно развиваемая в юриспруденции США и за её пределами. Согласно этой концепции, конституция должна толковаться не только в соответствии с намерениями её авторов, но и с учётом современных реалий, ценностей и научных достижений. Такой подход позволяет избежать догматизма и обеспечивает правовой системе необходимую гибкость. Однако, J. Waldron утверждает, что передача вопросов фундаментальных прав судам подрывает демократическую легитимность, поскольку лишает граждан возможности участвовать в моральном и политическом диалоге о ценностях. [\[13\]](#) Отсюда вытекает необходимость включения в процесс толкования и изменения конституции негосударственных субъектов, прежде всего гражданского общества.

Другим важным понятием становится конституционная ответственность [\[14, 15\]](#), предложенное рядом исследователей, как расширение традиционного принципа ответственности власти. Если ранее ответственность понималась в основном как юридическая (например, перед парламентом или судом), то теперь она приобретает нормативно-этическое измерение: государство должно быть ответственно перед обществом за последствия своих решений, особенно в условиях кризисов. Это требует не только отчётов и проверок, но и механизмов включения общества в процесс принятия решений. В этой связи всё большее значение приобретает концепция конституционной устойчивости [\[16, 17\]](#) — подход, разрабатываемый в современной конституционной теории для описания конституции как динамической системы, находящейся в постоянном взаимодействии с меняющейся социально-политической, экономической, технологической и экологической средой. Подобно живому организму, такая конституция должна обладать способностью к саморегуляции, адаптации и восстановлению после системных шоков, что невозможно без участия гражданского общества в конституционном диалоге. Именно в рамках этой эволюции и формируется концепция адаптивного конституционализма как потенциально новой парадигмы, способной ответить на вызовы XXI века.

В отличие от классического подхода, где адаптация осуществляется лишь через редкие и трудоёмкие процедуры поправок, адаптивность конституционализма предполагает непрерывный процесс обновления, в котором конституционная система способна реагировать на изменения без утраты своей целостности и легитимности. Адаптивность конституционного порядка — это не просто гибкость, а способность к самоизменению при

сохранении фундаментальных основ. Как подчёркивает J. Rawls, существуют «конституционные основы» (constitutional essentials) — такие как равные основные свободы, верховенство права и структура народовластия, — которые не могут быть отменены даже демократическим большинством [18]. Это означает, что конституция может менять свои формы и процедуры, но должна продолжать опираться на эти «ядерные» принципы, включая уважение достоинства личности и справедливое устройство политического порядка.

Ключевыми признаками адаптивного конституционализма становятся, во-первых, гибкость норм и процедур — возможность быстрого реагирования на кризисы без нарушения конституционного порядка. Это может выражаться в использовании временных норм, механизмов экстренного толкования или введения особых процедур для внесения изменений в условиях чрезвычайных обстоятельств, но при этом с жёстким контролем со стороны общества.

Во-вторых, открытость диалогу с обществом — конституционная система должна быть не «чёрным ящиком», а пространством постоянного взаимодействия между государством и гражданами. Это предполагает развитие институтов публичных консультаций, гражданских форумов, общественного мониторинга и других форм участия, которые позволяют учитывать мнение общества на всех этапах конституционного процесса.

В-третьих, институциональная пластичность — способность государственных и негосударственных институтов трансформироваться, объединяться, создавать новые формы сотрудничества. Например, в Эстонии институты цифрового государства и гражданского участия тесно интегрированы в систему публичного управления. До 2022 года для этого использовалась специализированная платформа Osale.ee, позволявшая гражданам знакомиться с проектами нормативных актов и вносить предложения на стадии их подготовки в министерствах. В 2022 году эта платформа была интегрирована в единый государственный портал eesti.ee, где продолжается практика публичного обсуждения законодательных инициатив. Кроме того, платформа rahvaalgatus.ee даёт гражданам право запускать народные инициативы: при сборе 1 000 цифровых подписей Рийгикогу (парламент Эстонии) обязан официально рассмотреть предложение и дать ответ. Это делает эстонскую модель одной из самых продвинутых в мире в области цифрового участия.

В-четвёртых, проактивность государства и граждан — отказ от пассивного ожидания кризисов в пользу предвосхищения и совместного поиска решений. Это означает, что государство должно не только реагировать на инициативы, но и создавать условия для их возникновения, а граждане — не просто выражать недовольство, но и участвовать в разработке альтернатив.

Таким образом, переход от классического к адаптивному конституционализму — это не просто техническое изменение процедур, но глубокая трансформация самой парадигмы правового регулирования, в которой конституция перестаёт быть только ограничителем власти и становится инструментом её конструктивного взаимодействия с обществом. Это требует пересмотра не только нормативных актов, но и правосознания, институциональных практик и культурных установок. И хотя путь к такой модели сложен и сопряжён с множеством рисков — от популизма до институционального хаоса — отказ от этой эволюции может оказаться ещё более опасным, поскольку ведёт к деградации конституционного строя как такового.

Гражданское общество как субъект конституционной адаптации

Ранее гражданское общество в правовой теории и практике конституционализма чаще всего рассматривалось как внешний по отношению к государству субъект, выполняющий преимущественно контрольную и корректирующую функцию: наблюдение за деятельностью властей, защита прав от нарушений, выражение общественного мнения. В этом понимании, укоренившемся в классических трудах либеральной политической мысли, от Гегеля до де Токвиля, гражданское общество выступало своего рода противовесом государству, пространством автономии, где формировались ценности, независимые от официальной политики. Однако в условиях, когда вызовы, стоящие перед современными обществами, становятся всё более комплексными, системными и трансграничными — от изменения климата до цифровой трансформации, от пандемий до миграционных кризисов — подобная позиция оказывается всё менее достаточной. Современные вызовы требуют от государства ресурсов и компетенций, которые оно не может мобилизовать в одиночку: глубокого знания локальных контекстов, высокой оперативности принятия решений и широкой социальной легитимации. По этой причине демократическая теория как отмечает М. Warren, всё чаще обращается к модели «государство с обществом», в которой гражданское общество выступает активным соучастником конституционного порядка и включается в процессы нормотворчества, толкования и адаптации основного закона. [\[19\]](#)

Эта трансформация проявляется в изменении роли традиционных и появлении новых форм гражданской активности. Некоммерческие организации, профессиональные ассоциации, экологические движения, цифровые сообщества, блогеры, инициативные группы — все они сегодня обладают потенциалом не только к критике, но и к конструктивному участию в формировании правовых решений. В различных странах мира реализуются проекты и инициативы, в которых гражданские структуры, экспертные сообщества и представители органов власти совместно участвуют в подготовке законопроектов, анализе правоприменительной практики и разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства. Эти инициативы, хотя и могут носить локальный или фрагментарный характер, свидетельствуют о формировании нового типа правотворчества, в котором нормы создаются не только в кабинетах чиновников или парламентах, но и в диалоге с практиками и общественными организациями, напрямую сталкивающимися с проблемами на местах.

В частности, в Германии общественные организации, включая экологические и энергетические НКО, активно участвуют в разработке законов в области энергоперехода, содействуя формированию законодательства, направленного на расширение использования возобновляемых источников энергии и достижение климатической нейтральности к 2045 году. Эта практика включает взаимодействие с правительственными структурами и экспертным сообществом для учета экологических, экономических и социальных аспектов перехода к устойчивому энергетическому будущему. В Швеции общественные организации традиционно вовлечены в формирование экологической политики через консультации и участие в советах, активно влияя на разработку и реализацию мер по охране окружающей среды и устойчивому развитию. В Индии гражданские активисты и НКО играют заметную роль в судебных процессах, выступая в качестве *amicus curiae* по делам, связанным с защитой прав коренных народов, что укрепляет позицию последних в правоприменительной практике и способствует учету их интересов в государственном управлении и законодательстве. Эти примеры демонстрируют, как различные государства используют механизмы участия гражданских структур, НКО и экспертов в процессах нормотворчества и правоприменения, создавая новые механизмы взаимодействия государства и общества.

Однако для того чтобы эта роль была устойчивой и эффективной, необходимо её институциональное оформление — переход от спонтанного участия к системным формам взаимодействия. В последние десятилетия во многих странах создаются механизмы, призванные формализовать диалог между государством и гражданским обществом. К ним относятся публичные консультации, заседания общественных палат, парламентские слушания, экспертные советы при министерствах, цифровые платформы для сбора предложений. В Российской Федерации, в частности, действует система общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, функционирует Общественная палата Российской Федерации, а с 2020 года запущена платформа Regulation.gov.ru для обсуждения нормативных актов. Эти институты, безусловно, расширяют пространство для участия, однако их реальная эффективность вызывает серьёзные сомнения. Как отмечают исследователи ^[20] значительная часть этих механизмов страдает от формализма и декоративности: мнения граждан собираются, но редко становятся основанием для изменения проектов; состав советов часто формируется из лояльных структур, что порождает феномен так называемого «государственного гражданского общества», где НКО, получая финансирование от государства, теряют независимость и превращаются в инструмент легитимации уже принятых решений. Кроме того, существует явная фильтрация инициатив: предложения, затрагивающие чувствительные политические темы, систематически игнорируются или подвергаются цензуре, в то время как обсуждению подлежат лишь технические или социально безопасные вопросы.

Эти ограничения особенно очевидны в контексте крупных социальных конфликтов, когда гражданское общество вынуждено действовать вне рамок официальных институтов. Ярким примером стал протест против так называемой «мусорной реформы» в ряде регионов России в 2018–2019 годах, когда жители городов, столкнувшись с резким ростом тарифов и отсутствием инфраструктуры для раздельного сбора отходов, организовывали массовые акции, создавали локальные экологические комитеты и разрабатывали собственные модели утилизации. Эти инициативы, хотя и не были легализованы на уровне федерального законодательства, продемонстрировали высокий уровень гражданской зрелости и способность общества к самоорганизации и нормотворчеству снизу. Подобные процессы наблюдались и в других сферах — от защиты зелёных зон в Краснодаре и Екатеринбурге до борьбы за сохранение исторической застройки в Москве. В таких случаях гражданское общество не просто выражает недовольство, но предлагает альтернативные решения, разрабатывает проекты, проводит правовые экспертизы и взаимодействует с экспертными сообществами. Как отмечает Д.Ф. Воронцов в своих работах по правовому плюрализму, в современных правовых системах появляются правовые правила, формирующиеся через социальное взаимодействие, а не исключительно сверху, которые могут впоследствии быть инкорпорированы в официальное право ^[21].

Особую роль гражданское общество играет в условиях кризисов, когда государственные институты сталкиваются с перегрузкой, нехваткой информации или потерей доверия. Пандемия COVID-19 стала своеобразным стресс-тестом для конституционных систем, в период которого активность гражданских структур достигла беспрецедентного уровня. В России правозащитные организации осуществляли мониторинг соблюдения прав при введении режима повышенной готовности, помогали уязвимым группам — бездомным, мигрантам и заключённым — получать медицинскую помощь и юридическую поддержку. Волонтерские сети организовывали доставку лекарств, продуктов, поддержку пожилым людям. Эти действия, хотя формально не входили в компетенцию государства, фактически восполняли пробелы в системе социальной защиты и демонстрировали, что

гражданское общество может выполнять функции, традиционно ассоциируемые с государством. Аналогичные процессы наблюдались и в других странах: в Италии гражданские комитеты координировали поставки оборудования в больницы, в США — помогали в вакцинации, в Южной Корее — разрабатывали приложения для отслеживания контактов при сохранении приватности. Эти примеры показывают, что в условиях неопределённости именно гражданское общество становится резервом устойчивости, способным быстро адаптироваться и предлагать решения, основанные на доверии и локальном знании.

В контексте цифровизации роль гражданского общества приобретает ещё более сложное измерение. С одной стороны, цифровые платформы открывают новые возможности для участия: сбор подписей под петициями, онлайн-обсуждения законопроектов, создание открытых баз данных. С другой — они же усиливают риски слежки, манипуляции и цифрового неравенства. В этой ситуации именно негосударственные организации становятся ключевыми защитниками цифровых прав. В России, например, Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ) и другие правозащитные группы активно участвуют в обсуждении законов о персональных данных, «суверенном интернете» и искусственном интеллекте, проводя правовые экспертизы, организуя кампании и подавая жалобы в Конституционный Суд. В 2021 году инициатива «Роскомсвободы» (признано иноагентом) стала одним из факторов, стимулировавших обсуждение вопросов о пропорциональности практики блокировок сайтов и роли гражданского общества в формировании конституционного толкования свободы интернета. Благодаря мониторингу и аналитической деятельности этих организаций, усилилось внимание к проблемам неправомерных блокировок и ограничений коммуникаций. За рубежом подобные процессы ещё более развиты: в Европейском союзе НКО участвовали в разработке Digital Services Act и Digital Markets Act, в Канаде — в формировании политики по этике ИИ. Эти практики подтверждают тезис о том, что защита прав в цифровую эпоху невозможна без участия независимых гражданских акторов, обладающих как технической экспертизой, так и доверием общества.

Таким образом, современное гражданское общество всё меньше напоминает ту пассивную, наблюдательную структуру, которую описывали классики. Оно становится активным нормотворческим субъектом, способным не только критиковать, но и создавать правовые практики, участвовать в разработке стратегий, обеспечивать легитимность решений и восполнять пробелы в государственном управлении. Следовательно, в условиях адаптивного конституционализма именно такие формы гражданской активности становятся не внешним дополнением, а внутренним ресурсом конституционной системы, обеспечивающим её гибкость и устойчивость. Однако для того чтобы этот потенциал был реализован в полной мере, требуется не просто декларация о важности участия, а системное переосмысление правового статуса гражданского общества, создание условий для его подлинной независимости и включение его в конституционные процессы на равных основаниях с государственными институтами.

Прямая демократия как инструмент конституционной адаптации

На протяжении второй половины XX века прямая демократия в большинстве стран воспринималась как анахронизм — пережиток древнеафинской полисной практики, несовместимый с масштабами современных государств, сложностью правовых систем и необходимостью профессионального управления. Теоретики либерального конституционализма — от Дж. С. Милля до Й. Шумпетера — выражали скептицизм по поводу способности широких масс принимать взвешенные решения по вопросам, требующим глубокого юридического, экономического или научного понимания. В этом

контексте прямая демократия часто рассматривалась как потенциально опасный инструмент, способный подрвать стабильность правового порядка и стать площадкой для популизма и манипуляций. Однако в XXI веке наблюдается парадоксальное, но устойчивое возвращение интереса к формам непосредственного волеизъявления, которое уже нельзя объяснить лишь конъюнктурными политическими колебаниями. Напротив, этот тренд приобретает глобальный характер и обусловлен кризисом доверия к представительным институтам, ростом запроса на прозрачность и легитимность решений, а также развитием технологий, позволяющих организовать участие миллионов людей без традиционных барьеров пространства и времени.

В настоящее время прямая демократия всё чаще воспринимается не как альтернатива, а как дополнение к представительной системе, призванное повысить её ответственность и адаптивность. Ярким примером служит Ирландия: в 2018 году там состоялся референдум по легализации абортов, предварённый работой Гражданской ассамблеи (Citizens' Assembly), в состав которой вошли 99 случайно отобранных граждан. Этот процесс, включавший многочисленные слушания, экспертные оценки и дебаты, стал образцом сочетания прямого участия с глубоким обсуждением, обеспечивая не только легитимность, но и информированность принимаемого решения. Аналогичным образом в 2019–2020 годах в Ирландии была создана Climate Assembly, разработавшая рекомендации по борьбе с изменением климата. Хотя её выводы не имели юридически обязательной силы, они оказали значительное влияние на парламентские дебаты и формирование государственной политики. Эти примеры показывают, что прямая демократия может выходить за рамки простого голосования «за» или «против» и превращаться в институционализированный процесс публичного разума, в котором граждане, вооружённые информацией и поддержкой экспертов, способны принимать сложные решения по стратегически важным вопросам. Как отмечает Дж. С. Фишкайн, один из ведущих теоретиков делиберативной демократии, современная прямая демократия — это не возврат к античности, а попытка создать новые формы гражданского разума в условиях постпредставительной демократии [\[22\]](#).

Особую значимость приобретают случаи, когда прямая демократия становится инструментом конституционной трансформации. Ярким примером выступает пересмотр Конституции Исландии после финансового кризиса 2008 года и массовых протестов, известных как «движение кастрюль». В 2010 году на Национальном форуме 950 случайно отобранных граждан определили ключевые принципы будущей конституции. В 2011 году из 522 кандидатов, выдвинутых гражданами, был избран Конституционный совет из 25 непартийных представителей (первоначально называвшийся «Конституционной ассамблеей», но переименованный судом из-за формальных нарушений при выборах). Совет разрабатывал проект новой конституции на открытых заседаниях с прямой трансляцией и активным использованием социальных сетей, включая социальные сети в сети Интернет. Проект был опубликован онлайн, а граждане получили возможность комментировать его и вносить предложения. В октябре 2012 года он был вынесен на консультативный референдум и получил поддержку большинства проголосовавших по всем шести вопросам. Тем не менее парламент Исландии (Альтинг) так и не ратифицировал новый текст, несмотря на общественную поддержку. Тем не менее этот процесс стал международно признанным примером «краудсорсинга» конституции — попытки разработать основной закон при прямом участии общества [\[23\]](#). Хотя исландская модель не была полностью реализована, она оказала влияние на другие страны: в Нидерландах, Бельгии, Франции начали создаваться гражданские конвенции для обсуждения климатической политики и реформы избирательной системы.

Развитие цифровых технологий значительно расширило возможности прямой демократии, сделав её более масштабируемой и доступной. Эстония, как один из лидеров цифрового государства, внедрила комплексные инструменты участия: через платформу [Rahvaalgatus.ee](https://rahvaalgatus.ee) граждане могут инициировать законопроекты, собрав всего 1000 подписей. В 2021 году на этой платформе была успешно запущена инициатива по легализации эвтаназии, собравшая более 10 000 подписей и переданная на рассмотрение в парламент. Параллельно платформа Decidim, разработанная в Барселоне как открытый проект, используется сотнями городов по всему миру — включая Париж, Мельбурн и Тайбэй — для участия граждан в бюджетном процессе, городском планировании и разработке нормативных актов. Как отмечает Франческа Бриа, бывший комиссар по цифровым технологиям Барселоны и один из ведущих разработчиков платформы Decidim, цифровая демократия — это не просто онлайн-голосование, а создание инфраструктуры для постоянного диалога и совместного принятия решений между гражданами и властями [\[24\]](#).

Вместе с тем, несмотря на очевидные преимущества, прямая демократия в современных условиях сталкивается с серьёзными вызовами, не позволяющими рассматривать её как универсальное решение. Один из главных рисков — популизм: способность политических лидеров использовать референдумы для легитимации решений, заранее подготовленных за закрытыми дверями, при этом мобилизуя эмоции и упрощая сложные вопросы. Ярчайшим примером стал референдум по выходу Великобритании из Европейского союза в 2016 году, где кампании «Leave» и «Remain» оперировали противоречивыми данными, а вопрос, затрагивающий сотни аспектов экономики, права, миграции и безопасности, был сведён к одному пункту на бюллетене. Как показали британские исследователи [\[25\]](#), референдум стал скорее заместителем глубинных тревог по поводу национальной идентичности, суверенитета и социальных трансформаций, чем инструментом рационального демократического выбора. Этот случай послужил предупреждением: прямая демократия без предварительного обсуждения, гарантий информированности и защиты от манипуляций может не только не повысить легитимность, но и усилить поляризацию, дестабилизировав конституционный порядок.

Кроме того, существуют системные ограничения, связанные с низкой информированностью участников, особенно в вопросах, требующих специализированных знаний. Референдумы по изменению конституции, как правило, предполагают, что граждане должны оценивать юридически сложные поправки, часто сформулированные в абстрактных терминах. В таких условиях высок риск принятия решений на основе поверхностного понимания или под влиянием медиаповестки. Отсюда вытекает необходимость в предварительных механизмах просвещения — таких как гражданские ассамблеи, экспертные дебаты, образовательные кампании, способные снизить информационный дисбаланс между государством и обществом.

Российская модель прямой демократии в этом контексте представляет собой особый случай, характеризующийся декларативным признанием народовластия и одновременным отсутствием устойчивых институтов его реализации. В действующей Конституции есть лишь три формы непосредственного осуществления народом Российской Федерации своей власти - выборы и референдум в соответствии со ст. 3 Конституции Российской Федерации и всенародное голосование в соответствии с ч. 3 ст. 135 Конституции Российской Федерации. Поскольку ст. 3 Конституции Российской Федерации не содержит исчерпывающего перечня форм непосредственного выражения власти народа, допускаются и иные формы. Среди таковых, например, в федеральном и региональном законодательстве России встречаются институты народной

законодательной инициативы, схода граждан и т.д.^[26] Конкретизируется это положение в Федеральном конституционном законе от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации», который устанавливает процедуру всенародного голосования. Однако на практике механизм инициирования референдума гражданами (требующий сбора 2 млн. подписей) является практически нереализуемым, что делает институт референдума скорее инструментом в руках власти, чем общества.

Попытки создать дополнительные каналы участия, такие как платформа «Российская общественная инициатива» (РОИ), учреждённая в соответствии с Указом Президента РФ от 4 марта 2013 г. № 183, не изменили этой парадигмы. Хотя Указ поручил создать общероссийский общественный ресурс для сбора и рассмотрения предложений граждан, РОИ не наделена полномочиями по инициированию законодательных изменений. Рассмотрение инициатив носит исключительно рекомендательный характер, что превращает платформу в инструмент консультаций, а не прямого законотворчества.

На уровне регионального уровня ситуация выглядит несколько иначе. Институт народной инициативы предусмотрен в конституциях и уставах некоторых субъектов РФ (Республика Тыва, Нижегородская обл., Свердловская обл. и др.), уставах муниципальных образований и имеет абсолютный характер. Тем не менее, на практике эти механизмы сталкиваются с системными административными барьерами: завышенные пороги для сбора подписей, отказы в регистрации по формальным или политическим мотивам, отсутствие финансирования. Так, в 2024 году инициатива жителей Свердловской области о проведении референдума по строительству мусорного полигона была отклонена местной избирательной комиссией без содержательного обоснования. Аналогичные случаи наблюдались в Новосибирской области и других субъектах РФ, что свидетельствует о системной неготовности властей к диалогу через институты прямой демократии.

Конституционный референдум 2020 года, несмотря на его беспрецедентный масштаб, не стал прецедентом для институционализации прямой демократии. Закон о его проведении носил разовый характер, а сам процесс был организован в рамках существующего, но малоприменимого ФКЗ № 5-ФКЗ. В итоге, в отличие от Швейцарии или Италии, где прямая демократия является структурным элементом конституционного порядка, в России она остаётся скорее инструментом легитимации уже принятых решений, чем механизмом реального влияния на содержание конституционного порядка.

В этом контексте возникает фундаментальный вопрос: может ли прямая демократия стать не просто инструментом легитимации решений, уже принятых властью, но структурным элементом адаптивного конституционализма, способным обеспечивать постоянную обратную связь между обществом и государством? Ответ на этот вопрос зависит не столько от технических возможностей, сколько от политической воли, правовой культуры и готовности институтов власти к диалогу. Как показывают международные примеры, успешные практики сочетают формальные процедуры (референдумы, инициативы) с неформальными формами обсуждения (гражданские ассамблеи, цифровые платформы участия), что позволяет избежать как инерции бюрократии, так и импульсивности прямого голосования. В условиях, когда конституция должна отвечать на вызовы, меняющиеся быстрее, чем циклы выборов, прямая демократия — особенно в цифровой форме — может стать механизмом постоянной адаптации, позволяющим обществу не просто реагировать на изменения, но и участвовать в их предвосхищении.

Синергия гражданского общества и прямой демократии в системе адаптивного конституционализма

Современные вызовы, требующие от конституционных систем не только устойчивости, но и способности к оперативной адаптации, всё чаще ставят вопрос о необходимости перехода от формального признания роли граждан к их подлинному включению в процессы конституционного обновления. При этом становится очевидным, что ни гражданское общество в изоляции, ни прямая демократия как отдельный инструмент не могут в полной мере обеспечить адаптивность конституционного порядка. Их потенциал раскрывается наиболее полно лишь в условиях синергии — когда неправительственные организации, активные граждане, экспертные сообщества и цифровые платформы взаимодействуют с формальными государственными структурами через устойчивые, юридически закреплённые и процедурно организованные механизмы. Именно такая интеграция превращает граждан не в пассивных получателей решений, а в субъектов соправления, способных участвовать на всех этапах — от выявления проблемы до её правового оформления и последующего контроля. Этот сдвиг от «участия» к «соправлению» (co-governance) становится одной из ключевых характеристик адаптивного конституционализма, где конституционная система перестаёт быть закрытой системой, управляемой исключительно государственными институтами, и превращается в открытый диалогический процесс, в котором легитимность решений обеспечивается не только формальной процедурой, но и глубиной вовлечения.

Одним из наиболее зрелых примеров синергии между представительной и прямой демократией является швейцарская модель народного законодательства, действующая более 170 лет. В Швейцарии любые изменения федеральной конституции подлежат обязательному референдуму и требуют двойного большинства — избирателей и кантонов. Кроме того, граждане могут инициировать поправки к Конституции через народную инициативу, собрав 100 000 подписей в течение 18 месяцев. Если парламент принимает закон, против которого в течение 100 дней собрано 50 000 подписей, он также выносится на всенародное голосование. Важно, что этот процесс сопровождается масштабной информационной кампанией: правительство и парламент публикуют официальные разъяснения, граждане участвуют в публичных дебатах, а за и против предложений формируются инициативные комитеты. Исследования, посвящённые швейцарской модели прямой демократии, показывают, что регулярное участие граждан в референдумах способствует их политическому обучению, развитию навыков аргументации и формированию устойчивого диалога с представителями власти. Фактически такая система представляет собой не стихийный популизм, а институционализированный механизм конституционной адаптации, в котором гражданское общество участвует на всех этапах — от выдвижения инициатив до контроля за их реализацией.

В условиях цифровой эпохи подобные механизмы приобретают новое качество, поскольку технологии позволяют снизить транзакционные издержки участия, сделать процессы более прозрачными и инклюзивными. Цифровые платформы становятся не просто инструментами сбора подписей или голосования, но инфраструктурой адаптивности, обеспечивающей постоянную обратную связь между обществом и властью [27]. Важно, что такие системы не заменяют традиционные институты, а дополняют их, создавая многоуровневую экосистему участия, в которой граждане могут выбирать форму вовлечения в зависимости от своей мотивации, времени и уровня экспертизы.

Однако для того чтобы синергия была устойчивой, она должна быть институционализирована — то есть закреплена в правовых и организационных формах, которые не зависят от политической конъюнктуры или личной воли отдельных чиновников. Одной из форм институционализированного диалога между государством,

экспертным сообществом и гражданским обществом становятся постоянные многосторонние консультативные площадки, на которых обсуждаются долгосрочные вызовы и вырабатываются рекомендации для законодательной повестки. В отличие от разовых публичных слушаний, такие форматы предполагают регулярность, открытость и мандат на влияние на политику. В странах ЕС подобные практики получают всё большее распространение: например, во Франции и Ирландии действуют гражданские ассамблеи, а в Германии — такие инициативы, как «Plattform Lernende Systeme» (Платформа «Обучающиеся системы») и консультации Федерального министерства юстиции по правовым аспектам цифровизации и искусственного интеллекта. Эти форумы позволяют выявлять проблемы на ранней стадии и формировать общественный консенсус по сложным вопросам, таким как регулирование ИИ или биоэтика.

Одной из форм институционализации гражданского участия являются гражданские ассамблеи — временные, но формально уполномоченные органы, состоящие из случайно отобранных граждан, репрезентативных по демографическим и социальным характеристикам. Такие ассамблеи не заменяют парламент, но выполняют функцию «предварительного разума», анализируя сложные вопросы, заслушивая экспертов и вырабатывая рекомендации. Ярким примером является Climate Assembly UK, созданная в 2020 году по инициативе парламентских комитетов в ответ на требования общественности о вовлечении граждан в климатическую политику. В неё вошли 108 репрезентативно отобранных участников, которые в течение нескольких месяцев изучали научные данные и в итоге представили 50 рекомендаций по достижению углеродной нейтральности к 2050 году. Отчёт ассамблеи был официально передан британскому парламенту, однако его непосредственное влияние на национальную стратегию оказалось ограниченным, хотя сама инициатива получила широкое признание и вдохновила другие подобные процессы.

Подобные практики появляются и в других странах — от Франции (*Convention citoyenne pour le climat*) до Ирландии и Канады, что свидетельствует о росте доверия к формам участия, основанным не на конкуренции, а на коллективном размышлении. Кроме того в условиях конституционных трансформаций особую роль могут играть гражданские инициативы по обсуждению основного закона — независимые от властей форумы, формируемые на принципах открытости и репрезентативности. Хотя их решения не обладают юридической силой, они способны формировать общественный мандат и влиять на официальные процессы. Историческим примером такого подхода стала Scottish Constitutional Convention (1989–1995), объединившая политические партии, профсоюзы, церкви и гражданские организации и заложившая основы для деволюции полномочий и создания Шотландского парламента. В России подобные инициативы пока не получили развития, хотя отдельные эксперты предлагают создать гражданскую конституционную ассамблею как площадку для диалога о будущем конституционного строя. [\[28\]](#)

Тем не менее, реализация таких механизмов сталкивается с рядом правовых и институциональных барьеров, которые необходимо преодолеть для перехода к подлинно адаптивному конституционализму. Один из главных — отсутствие обязанности учитывать результаты общественных инициатив. Во многих странах, включая Россию, даже при успешном сборе необходимого числа подписей нет гарантий, что инициатива будет рассмотрена по существу. Это приводит к разочарованию граждан и восприятию участия как формальности. В этой связи, для того чтобы гражданское общество стало субъектом конституционной адаптации, необходимо закрепить в законе обязанность органов власти реагировать на народные инициативы с обоснованием своей позиции — даже если она негативная. Такая норма, аналогичная принципу «right to be heard» в европейском

праве, могла бы повысить доверие к системе и сделать участие более предсказуемым.

Другим важным шагом могло бы стать создание института общественного омбудсмана по конституционным изменениям — независимого органа, призванного защищать интересы граждан в процессах пересмотра Конституции. Такой омбудсмен мог бы инициировать проверку законности процедур, представлять интересы общества в Конституционном Суде, организовывать общественные слушания и выступать гарантом прозрачности. Подобные институты существуют в других сферах — например, Уполномоченный по правам человека в России или Омбудсмен по вопросам цифровизации в Эстонии, — но отсутствуют в конституционной сфере. Следует признать, что в условиях, когда конституция становится объектом политической конъюнктуры, необходим независимый субъект, который бы защищал её как общественное достояние, а не как инструмент власти.

Наконец, ключевым условием устойчивости демократических институтов является развитие конституционного просвещения — не в виде формального заучивания статей Основного закона, а как систематическое формирование правового мышления, критического анализа и навыков гражданского участия. Без этого даже самые продуманные механизмы рискуют остаться формальностью, поскольку граждане не будут обладать достаточной осведомлённостью и уверенностью для полноценного участия. В Германии гражданское образование (Demokratiebildung) интегрировано в школьные программы и поддерживается через региональные инициативы, направленные на создание «демократической школьной среды». В США действуют такие проекты, как «Civics for All of US» (Национальный архив) и Illinois Democracy Schools Initiative, которые делают акцент на интерактивном и практико-ориентированном обучении. В России, где уровень доверия к правовым институтам остаётся низким, а правосознание формируется преимущественно через медиа [\[29\]](#), развитие подобной образовательной среды становится не просто желательным, но необходимым условием для построения адаптивного конституционализма. Таким образом, синергия гражданского общества и прямой демократии не возникает сама по себе — она требует целенаправленного правового, институционального и культурного конструирования. Только при условии, что участие будет не эпизодическим, а системным, не декларативным, а обязательным, не формальным, а содержательным, можно говорить о формировании конституционной системы, способной адаптироваться к вызовам времени, не теряя при этом своей легитимности и устойчивости.

Перспективы развития: к конституционному диалогу нового типа

В условиях, когда традиционные модели конституционализма всё чаще демонстрируют свою ограниченность перед лицом системных кризисов — будь то пандемии, климатические изменения, цифровая трансформация или рост социального неравенства — становится всё более очевидным, что сама парадигма конституционного права нуждается в глубоком переосмыслении. Адаптивный конституционализм, как он проявляется в современной правовой действительности, не может быть сведён к техническим изменениям в тексте конституции, к упрощению процедур внесения поправок или к расширению полномочий судебных органов. Его суть заключается в фундаментальном сдвиге от статичного понимания конституции как раз и навсегда данного акта к динамическому восприятию её как процесса — постоянного диалога между государством и обществом, в котором нормы рождаются, интерпретируются и трансформируются не в изоляции, а в условиях непрерывного взаимодействия. Этот диалог, по сути, становится новой формой конституционного существования, в которой

легитимность решений обеспечивается не только их соответствием букве закона, но и глубиной вовлечённости граждан, уровнем прозрачности процедур и способностью системы к самокоррекции.

В этом контексте гражданское общество и институты прямой демократии перестают быть внешними дополнениями к конституционному порядку, которые можно включать или отключать по усмотрению властей. Они становятся ядром новой конституционной парадигмы, без которого адаптивность оказывается невозможной. Если в классическом конституционализме основное внимание уделялось ограничению власти, то в адаптивной модели ключевой задачей становится организация взаимодействия — создание условий, при которых государство и общество могут совместно вырабатывать решения, учитывая как юридические, так и социальные, экологические и технологические реалии. В этом смысле прямая демократия — не просто инструмент легитимации, а механизм постоянной обратной связи, позволяющий конституционной системе чувствовать пульс общества, а гражданское общество — не только контролировать, но и участвовать в нормотворчестве, формируя правовые практики снизу. Надо отметить, что адаптивный конституционализм предполагает отказ от идеи, что конституция — это продукт одного поколения; она должна быть открыта для постоянного пересмотра, в котором участвуют все субъекты общественной жизни.

Такое теоретическое обобщение ведёт к необходимости не просто анализа существующих практик, но и выработки конкретных предложений по совершенствованию конституционного строя, которые бы закрепили новые формы взаимодействия на уровне высшего закона. Одним из ключевых шагов могло бы стать включение в текст конституции норм, прямо закрепляющих государственно-общественное взаимодействие как принцип конституционного порядка. В настоящее время в Конституции Российской Федерации, как и во многих других конституциях, содержатся декларативные положения о народовласти (ст. 3), о праве граждан на участие в управлении делами государства (ст. 32), о свободе ассоциаций (ст. 30), но отсутствуют нормы, определяющие процедуры, гарантии и институциональные формы такого участия. В отличие от этого, в Конституции Эквадора (2008 г.) и Боливии (2009 г.) закреплены положения о праве народов на участие в принятии решений, влияющих на их жизнь, в том числе через формы прямой демократии и консультации.

В этой связи полагаем, что для перехода к модели адаптивного конституционализма в российских условиях необходимо не только заимствовать международные практики, но и устранить внутренние институциональные и правовые барьеры. Во-первых, требуется принятие федерального закона о народной инициативе, который бы установил чёткие процедуры сбора подписей, обязательное рассмотрение инициатив парламентом и публичное обоснование решений. Во-вторых, необходимо реформировать институты гражданского общества, обеспечив их независимость от административного давления и расширив их полномочия в конституционных процессах — например, через право выдвижения кандидатов в состав Конституционного Суда или участие в подготовке поправок к Основному закону. В-третьих, следует внести в Федеральный конституционный закон «О референдуме РФ» норму об обязательном вынесении на референдум всех изменений в главы 1, 2 и 9 Конституции — как это сделано в Швейцарии и Италии. Без этих шагов любые декларации о «конституции с народом» останутся риторикой. Российская конституционная система обладает формальными основаниями для развития прямой демократии и гражданского участия, но их реализация блокируется отсутствием политической воли и институциональной волокиты. Преодоление этого разрыва между нормой и практикой — ключевое условие для

включения России в глобальный дискурс адаптивного конституционализма.

Кроме того следует учитывать значение в условиях цифровой эпохи идею цифрового права на участие — права каждого гражданина на доступ к цифровым платформам для внесения предложений, участия в обсуждениях законопроектов, подачи инициатив и получения ответов от государственных органов. Такое право, хотя и не закреплено в большинстве конституций, уже начинает формироваться в правовой практике. В Эстонии, например, цифровое участие рассматривается как часть гражданской обязанности государства, а в Австрии и Германии обсуждаются предложения о включении в конституцию норм о цифровой доступности и праве на цифровую идентичность. Следовательно, в условиях, когда всё больше функций государства переносится в цифровую среду, право на участие должно включать и право на цифровое присутствие [30]. Это означает, что государство обязано не только не препятствовать онлайн-участию, но и создавать условия для него: обеспечивать доступность платформ, защиту персональных данных, прозрачность алгоритмов и равные возможности для всех слоёв населения, включая тех, кто находится в удалённых регионах или имеет ограниченные технические навыки.

Для того чтобы диалог между обществом и государством был не односторонним, а действительно двусторонним, необходимо создание механизмов обратной связи, которые бы фиксировали реакцию конституционных органов на инициативы граждан. Например, если народная инициатива набрала необходимое число подписей, парламент или Конституционный Суд должен быть обязан не просто рассмотреть её, но и публично обосновать свою позицию — принять, отклонить или предложить альтернативу. Такая практика существует в Италии, где Комитет по конституционным вопросам обязан давать мотивированные заключения по всем народным инициативам. В России, где законодательство не содержит таких обязательств, граждане часто остаются в неведении относительно судьбы своих предложений, что подрывает доверие к системе. Следовательно, без механизма обратной связи участие превращается в имитацию демократии, где граждане выполняют роль декорации, но не субъектов власти. Включение таких механизмов в конституционный порядок могло бы повысить ответственность институтов и сделать процесс адаптации более предсказуемым и управляемым.

На международном уровне эти процессы также начинают приобретать форму системного движения. Возникает реальная возможность создания международных стандартов адаптивного конституционализма, которые бы определяли минимальные требования к вовлечению граждан, защите прав участников и институционализации форм прямого волеизъявления. Такие стандарты могли бы быть разработаны в рамках Венецианской комиссии, Совета Европы или ООН, аналогично тому, как это было сделано в отношении свободы СМИ, независимости судей или прав меньшинств. Например, Венецианская комиссия Совета Европы разработала «Пересмотренные руководящие принципы проведения референдумов» (CDL-AD(2020)031, 2020), а также давала рекомендации по народным инициативам (например, CDL-REF(2015)017) и защите прав в условиях чрезвычайных ситуаций (Study № 987/2020). Однако эти документы носят рекомендательный характер и не образуют единой обязательной доктрины. Венецианская комиссия подчёркивает, что любые формы прямого волеизъявления должны соответствовать основополагающим принципам: демократии, правам человека и верховенству права, и призывает к согласованности подходов при конституционных изменениях, особенно в кризисных условиях. Такие стандарты могли бы стать ориентиром для стран, стремящихся к укреплению легитимности своих конституционных

систем, и одновременно — инструментом защиты от злоупотреблений в рамках так называемых «конституционных реформ», которые на деле сводятся к консолидации власти.

В последние десятилетия более 150 стран мира закрепили право на здоровую окружающую среду в конституциях или через судебную практику. Например, Коста-Рика (ст. 50 Конституции, 1994), Колумбия (ст. 79, 1991), а во Франции — через Хартию окружающей среды (2004), имеющую конституционную силу (принята не через народную инициативу RIC, которая так и не была реализована). В 2018 году Верховный суд Колумбии в деле «Future Generations» признал колумбийскую часть Амазонки субъектом права. Что касается цифровых прав, то в Эстонии цифровая идентичность обеспечивается специальными законами, но не закреплена в Конституции; в Испании в 2021 году была принята Хартия цифровых прав, декларирующая право на доступ к интернету, однако она не имеет конституционного статуса. Как видно, новые права — это не просто расширение списка, а изменение самой логики конституционализма: от защиты от государства к обеспечению условий для реализации прав в новых условиях. Эти процессы показывают, что конституция больше не может быть замкнутой на традиционные институты, но должна отвечать на вызовы, которые возникают за пределами государственных границ — от изменения климата до алгоритмического управления.

Таким образом, перспективы развития конституционного права связаны с формированием нового типа конституционного диалога, в котором государство и общество вступают в постоянное взаимодействие, не ограниченное рамками выборов или формальных консультаций. Этот диалог требует не только новых технологий, но и новых правовых форм, новых институтов и новой правовой культуры, в которой участие граждан воспринимается не как исключение, а как норма. И хотя путь к такой модели сложен и сопряжён с множеством политических, правовых и этических вызовов, отказ от него означал бы признание неспособности конституционных систем отвечать на вызовы времени, что в конечном счёте подорвало бы их саму основу — легитимность.

Заключение

Тот факт, что конституционные системы по всему миру сегодня переживают глубокий кризис легитимности, не может быть сведён к временным политическим колебаниям или отдельным случаям злоупотреблений властью. Это системное явление, корни которого уходят в несоответствие между структурой традиционного конституционализма и динамикой современного общества. Конституции, созданные в условиях индустриальной эпохи, при доминировании чёткой иерархии ветвей власти и ограниченной степени вовлечённости граждан, всё чаще оказываются неспособными отвечать на вызовы, требующие гибкости, скорости, междисциплинарного подхода и широкого социального консенсуса. В таких условиях становится очевидным, что адаптивный конституционализм, как новая парадигма, не может быть реализован без активного, институционализированного и защищённого участия гражданского общества и институтов прямой демократии. Без них любые попытки модернизации конституционного строя рискуют остаться формальными — изменениями в тексте, не имеющими реального отражения в практике власти и повседневной жизни граждан. Именно включение общества в процессы конституционной адаптации превращает конституцию из статичного документа в живой организм, способный к саморегуляции, восстановлению и эволюции.

Понимание конституции как «живого организма» не является метафорой в узком риторическом смысле, а отражает глубокую правовую реальность: конституция

существует не только в букве закона, но и в практике её толкования, применения и восприятия обществом. Она живёт в судебных решениях, в актах исполнительной власти, в дискуссиях в общественных пространствах, в инициативах граждан, в цифровых платформах участия. Для того чтобы она оставалась живой, необходимы не только юридические механизмы — такие как процедуры внесения поправок или судебный контроль, — но и социальные условия, при которых граждане чувствуют себя субъектами, а не объектами конституционного порядка. Это включает культуру правового сознания, доверие к институтам, доступ к информации и возможность влияния на решения, затрагивающие их жизнь. Без этих условий даже самая совершенная юридическая конструкция оказывается беспомощной перед лицом кризисов.

Кроме того, адаптация требует технологических условий, которые позволяют преодолеть территориальные, временные и информационные барьеры. Цифровизация, с одной стороны, создаёт риски для приватности, манипуляции и усиления неравенства, но с другой — открывает беспрецедентные возможности для вовлечения. Существующие платформы демонстрируют, что технология может стать не инструментом контроля, а инфраструктурой диалога, позволяющей миллионам граждан участвовать в обсуждении законопроектов, инициировать изменения, контролировать исполнение решений. Однако такие технологии работают только при условии, что они встроены в правовую систему, защищены от злоупотреблений и доступны всем слоям населения. Таким образом, технологическая среда становится не вспомогательным, а структурным элементом адаптивного конституционализма, требующим юридического оформления и защиты.

Но, пожалуй, наиболее важным остаётся культурное измерение — совокупность установок, ценностей и ожиданий, определяющих отношение как граждан, так и представителей власти к конституции. В обществах, где конституция воспринимается как документ, созданный «для народа» сверху — элитами, юристами, политиками, — её адаптация происходит редко, болезненно и под давлением кризисов. В то же время в странах, где складывается культура восприятия конституции как продукта совместного труда — «с народом», изменения происходят более гладко, легитимно и устойчиво. Примером служит Швейцария, где народные инициативы и референдумы являются не исключением, а нормой повседневной политической жизни, или Исландия, где после финансового кризиса 2008 года общество само взяло на себя ответственность за пересмотр основного закона. Можно констатировать, что конституция, созданная без участия общества, всегда будет чуждой ему; только та конституция, которая родилась в диалоге, может стать достоянием всех. Этот сдвиг — от «конституции для народа» к «конституции с народом» — становится одной из центральных задач современного конституционализма, особенно в условиях, когда доверие к традиционным институтам продолжает снижаться.

Переход к такому пониманию конституции требует не только правовых реформ, но и фундаментального переосмысления роли государства и общества. Государство должно отказаться от позиции монопольного субъекта власти и принять себя как координатора, модератора и партнёра в процессе конституционного развития. Общество, в свою очередь, должно выйти за рамки пассивного наблюдения и привыкнуть к ответственности за принимаемые решения. Это возможно только при условии, что участие будет не эпизодическим, а системным, не декларативным, а обязательным, не ограниченным формальными процедурами, а распространённым на все этапы — от выявления проблемы до мониторинга реализации. Где адаптивность — это не просто способность к изменениям, а способность к диалогу, и если диалог отсутствует, любые изменения будут навязанными, а не принятыми. Именно поэтому институционализация форм

взаимодействия — через народные инициативы, гражданские ассамблеи, цифровые платформы, омбудсменов по конституционным вопросам — становится не второстепенной задачей, а ядром новой конституционной логики.

В этом контексте открываются широкие перспективы для дальнейших исследований, которые могут углубить понимание механизмов адаптивного конституционализма и предложить новые модели его реализации. Одной из таких перспектив является цифровой конституционализм — область, в которой исследуются правовые последствия внедрения алгоритмов, искусственного интеллекта, блокчейна и других технологий в государственное управление. В настоящее время цифровизация не просто меняет способы реализации прав, но и ставит под сомнение сами их основания — от приватности до свободы волеизъявления. В этих условиях возникает необходимость в разработке новой правовой доктрины, способной регулировать отношения между человеком, машиной и государством, не сводя конституцию к набору норм, не учитывающих специфику цифровой среды.

Ещё одной важной областью становится экологический поворот в конституционном праве — процесс, в ходе которого экологические права и обязанности государства по защите окружающей среды включаются в конституционный строй на равных основаниях с традиционными свободами. В последние годы всё больше стран — от Колумбии до Франции, от Бангладеш до Новой Зеландии — признают право на благоприятную окружающую среду как конституционное, а некоторые идут дальше, наделяя природные объекты (реки, леса, горы) правовым статусом. Эти процессы указывают на то, что конституция больше не может быть сосредоточена исключительно на отношениях между человеком и государством, но должна учитывать антропоэкологический контекст, в котором реализуются права.

Наконец, всё большее значение приобретают транснациональные формы гражданского участия, которые стирают границы между национальными конституционными системами. Гражданские инициативы в рамках Европейского союза, трансграничные петиции, международные правозащитные кампании, глобальные движения за климатическую справедливость — всё это указывает на формирование нового типа гражданской идентичности, которая не ограничивается рамками одного государства. В таких условиях конституционный диалог всё чаще выходит за национальные пределы, требуя разработки новых форм сотрудничества, гармонизации правовых стандартов и создания механизмов транснационального участия.

Таким образом, адаптивный конституционализм — это не конечная точка, а открытый процесс, требующий постоянного переосмысления, инноваций и диалога. Он невозможен без активного участия гражданского общества и прямой демократии, которые становятся не дополнением к конституции, а её живой плотью. И хотя путь к такой модели полон препятствий — от сопротивления элит до технологических и этических дилемм — отказ от него означал бы признание неспособности конституционных систем отвечать на вызовы XXI века. В этом смысле будущее конституционализма — не в укреплении старых форм, а в смелости переосмыслить их, включив в ядро конституционного порядка самого гражданина как субъекта, а не объекта власти.

Библиография

1. Ginsburg T., Huq A. Z. How to Save a Constitutional Democracy. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 295 p.
2. Tribe L. H. The Invisible Constitution. New York: Oxford University Press, 2008. 304 p.
3. Ackerman B. We the People: Foundations. Vol. 1. Cambridge: Harvard University Press,

1991. 384 p.

4. Dixon R. The new responsive constitutionalism // *The Modern Law Review*. 2024. Vol. 87, № 2. P. 1-34.

5. Scheuerman W. E. Constitutionalism in an Age of Speed // *Constitutional Commentary*. 2002. Vol. 19. P. 353-390.

6. Kumm M. The Cosmopolitan Turn in Constitutionalism: On the Relationship between Constitutionalism in and beyond the State / in: *Ruling the World?: Constitutionalism, International Law, and Global Governance* / ed. by J. L. Dunoff, J. P. Trachtman. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 258-325.

7. Боброва Н. А. Уникальность конституционной реформы 2020 года и ее последствия для будущего России // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Юридические науки. 2023. № 2 (53). С. 11-20. DOI: 10.18323/2220-7457-2023-2-11-20 EDN: THLCBX

8. Семагин И. О. Толкование конституционных прав и специфика аргументации в конституционном суде Российской Федерации // *Вопросы российского и международного права*. 2023. Т. 13, № 5-1. С. 111-116. DOI: 10.34670/AR.2023.40.74.012 EDN: AZXZDT

9. Степанова М. Н. Адаптация конституционной идентичности государства к вызовам современности: анализ и перспективы // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2024. № 2 (41). С. 23-28. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-41-2-23-28 EDN: BMMSZF

10. Грудинин Н. С. Развитие института президентуры после конституционной реформы 2020 г. // *Криминологический журнал*. 2022. № 4. С. 62-64.

11. Зуев О. Е., Бахлов И. В. Российский парламентаризм после конституционной реформы 2020 года // *Социально-политические науки*. 2023. Т. 13, № 4. С. 74-79.

12. Runciman D. *How Democracy Ends*. London: Profile Books, 2019. 256 p.

13. Waldron J. The Core of the Case against Judicial Review // *The Yale Law Journal*. 2006. Vol. 115. P. 1346-1406.

14. Станкин А. Н. Конституционная ответственность в системе права и системе юридической ответственности // *Теория государства и права*. 2019. № 4 (16). С. 210-217. DOI: 10.25839/MATGIP.2019.15.03.017 EDN: TFQCIV

15. Szigeti A., Donahue T. J. *Constitutional Responsibility*. 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1112797> (дата обращения: 15.10.2025).

16. Grabenwarter C. *Constitutional Resilience* // *VerfBlog*. 2018. 6 декабря. URL: <https://verfassungsblog.de/constitutional-resilience/> (дата обращения: 15.10.2025).

17. Jakab A. *Constitutional Resilience* / in: *Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law (MPECCoL)* / ed. by R. Grote, F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford: Oxford University Press, 2022. URL: <https://ssrn.com/abstract=4656217> (дата обращения: 15.10.2025).

18. Rawls J. *Political Liberalism*. New York: Columbia University Press, 1993. 401 p.

19. Warren M. E. *Democracy and the State* / in: *The Oxford Handbook of Political Theory* / ed. by J. S. Dryzek, B. Honig, A. Phillips. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 342-399.

20. Кузьмина А. С. Эволюция подходов к оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в XXI веке // *Экономика, предпринимательство и право*. 2025. Т. 15, № 7. С. 4429-4450. DOI: 10.18334/epp.15.7.123273 EDN: IIXRMC

21. Воронцов Д. Ф. Государственная политика: понятие, виды, соответствие праву и справедливости как элемент решения проблем современной экономики // *Актуальные проблемы российского права*. 2011. № 3 (20). С. 12-21. EDN: ONQZJR

22. Fishkin J. S. *Democracy When the People Are Thinking: Revitalizing Our Politics Through Public Deliberation*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 272 p.

23. Bergmann E. *Participatory Constitutional Deliberation in the Wake of Crisis: The Case of*

- Iceland / in: Constitutional Deliberative Democracy in Europe. Colchester: ECPR Press, 2016.
24. Lewin A. Barcelona's Robin Hood of data: Francesca Bria. URL: <https://sifted.eu/articles/barcelonas-robin-hood-of-data-francesca-bria> (дата обращения: 15.10.2025).
25. Clarke H. D., Goodwin M., Whiteley P. Brexit: Why Britain Voted to Leave the European Union. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 272 p.
26. Кошель А. С. Российская конституция в развитии: реформа структуры власти и новые парламентские полномочия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 22-27. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-22-27 EDN: RAFSWX
27. Germann M., Serdült U. Internet voting and turnout: Evidence from Switzerland // Electoral Studies. 2017. Vol. 47. P. 1-12.
28. Кравец И. А. Идея гражданских ассамблей и иные формы участия граждан в конституционных изменениях и публичных инициативах: опыт и перспективы конституционализации в новом и старом свете // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33, № 4 (161). С. 40-60. DOI: 10.21128/1812-7126-2024-4-40-60 EDN: BZTCKY
29. Воронцова М. А., Шестаков Д. А., Матвеева Ю. С. Основы конституционного статуса средств массовой информации и их нарушение в современной России // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 11 (61). С. 42-47. EDN: XBFFBT
30. Ефимова Л. Г. Цифровая личность как способ присутствия субъекта права в киберпространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 4 (128). С. 32-41. DOI: 10.17803/2311-5998.2025.128.4.032-041 EDN: VSBAMN

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья посвящена комплексному анализу трансформации конституционных систем в условиях современных вызовов, с особым акцентом на роли институтов гражданского общества и прямой демократии в процессах конституционной адаптации. Автор предпринимает масштабную попытку теоретического осмысления перехода от классической модели конституционализма к адаптивной парадигме, что представляет несомненную научную ценность в контексте наблюдаемого кризиса традиционных демократических институтов.

Методологическая основа исследования отличается комплексностью и включает системный анализ, сравнительно-правовой метод, институциональный подход и правовую герменевтику, что позволяет рассмотреть проблему с различных ракурсов. Однако структурная организация материала вызывает серьезные вопросы: объемный текст, превышающий стандартные требования для научной публикации, требует четкого разделения на логические блоки с соответствующими подзаголовками. Введение дополнительных тематических разделов, таких как «Концептуальные основы адаптивного конституционализма», «Институциональные механизмы взаимодействия» и «Сравнительный анализ моделей конституционной адаптации», соответствовало бы общепринятым требованиям, предъявляемым к структуре статей в изданиях Nota Bene, и значительно улучшило бы восприятие сложного теоретического материала.

Актуальность темы не вызывает сомнений, учитывая глобальные вызовы, связанные с цифровой трансформацией, экологическими кризисами и пандемиями, которые ставят под вопрос адекватность традиционных конституционных моделей. Автор убедительно демонстрирует, что статичность классического конституционализма становится препятствием для эффективного реагирования на быстро меняющиеся социальные реалии. Особую значимость имеет анализ кризиса легитимности представительных институтов и растущего запроса на более непосредственные формы гражданского участия.

Научная новизна исследования проявляется в предложении интегративной модели адаптивного конституционализма, где гражданское общество и прямая демократия рассматриваются как структурные элементы конституционной системы, а не внешние дополнения. Особого внимания заслуживает сравнительный анализ конституционных практик различных стран — от швейцарской модели народного законодательства до эстонских цифровых платформ участия и исландского опыта конституционного краудсорсинга. Однако автору не удалось в полной мере раскрыть специфику российской модели в контексте адаптивного конституционализма, ограничившись в основном констатацией существующих проблем без глубокого анализа потенциальных путей их решения.

Статья выдержана в академическом стиле и написана на хорошем научном языке. Однако объем текста и его плотность затрудняют восприятие, а повторение некоторых тезисов свидетельствует о необходимости более тщательной редакторской работы. Содержательная часть демонстрирует глубокую теоретическую подготовку автора и знакомство с современной зарубежной и отечественной литературой по проблеме.

Библиографический аппарат впечатляет своей репрезентативностью и включает как классические работы по теории конституционализма, так и современные исследования. Однако можно отметить некоторый дисбаланс в пользу зарубежных источников при относительной недостаточности анализа новейших отечественных исследований по проблемам конституционной адаптации.

Апелляция к оппонентам прослеживается в полемике с представителями классического конституционализма, однако критические аргументы могли бы быть представлены более системно и развернуто. Выводы статьи носят комплексный характер и предлагают перспективные направления для дальнейших исследований, включая цифровой и экологический конституционализм.

Практическая значимость работы заключается в разработке конкретных предложений по совершенствованию конституционных механизмов, таких как введение федерального закона о народной инициативе, создание института общественного омбудсмена по конституционным изменениям и развитие конституционного просвещения. Интерес для читательской аудитории журнала «Юридические исследования» очевиден, учитывая междисциплинарный характер проблематики и ее значимость для современной конституционной теории и практики. После структурной оптимизации и более четкого оформления теоретико-прикладных аспектов статья может быть рекомендована к публикации.

